

Аромат яств приятно щекотал нос, вызывая аппетит [1].

Служанки, грациозно поклонившись, поставили тарелки и подняли изящные крышки, которыми специально были накрыты блюда. Взору Фэн Мина явились угощения, со всей душой приготовленные Мэй Цзи.

Аромат был отменным, да и выглядели яства довольно неплохо. И поскольку блюда готовила первая красавица Поднебесной, то они были потрясающими. Вот только если Фэн Мин уже морально подготовился, однако всё равно невольно ахнул.

На низком столике разместились четыре основных блюда, предназначенные для каждого, — морские коньки, сваренные в турачовом бульоне [2], тушёные морские огурцы, императорский осётр, сваренный с грибами [3], и приготовленные на пару тигровые креветки.

Можно было быть уверенным в одном: всё это — морские коньки, морские огурцы, осётр, тигровые креветки — ценные морепродукты, которые сложно купить в Юньинь; даже Фэн Мин, утопая в роскоши во дворце Силэй, не наслаждался такой великолепной трапезой.

Благодаря новейшим технологиям в современном мире самолётов и холодильников, у людей, можно сказать, вполне обычным было пользоваться дарами моря, употребляя их в пищу. Однако в переменчивую эпоху одиннадцати государств даже несколько тарелочек подобных деликатесов было крайне дорогим удовольствием. Сколько понадобилось человеческих и материальных ресурсов, чтобы прислать свежие морепродукты в Юньинь и передать в руки красавицы Мэй Цзи, которая душу вложила, готовя их?

Откровенно говоря, это слишком расточительно.

Откуда у отшельницы Мэй Цзи нечто подобное?

— Господин Сяо, государь, князь Мин, прошу. — И женщина изящными движением приглашающе указала на столы, с улыбкой смотря на Жун Тяня.

Мазнув взглядом по стоящим блюдам, император Силэй взял палочками кусочек осетра и, положив в рот, начал смаковать, после чего воскликнул:

— Мясо нежное и сладкое, Мэй Цзи, тебе удалось сохранить превосходный вкус рыбы. Твоё кулинарное мастерство заметно улучшилось.

Женщина, естественно, со смехом ответила на комплимент Жун Тяня:

— Стоит сказать «спасибо» учителю, ведь это он привёз разные морепродукты, иначе Мэй Цзи не смогла бы проявить своего мастерства.

— Разумеется, спасибо учителю. — И государь, подняв бокал, чествовал Сяо Цзуна вином, после чего обернулся к Фэн Мину со словами: — Учитель обладает самым огромным во всех одиннадцати государствах караваном купеческих судов, и все эти дары моря учитель привёз, предварительно заморозив. Если бы не учитель, нам не посчастливилось бы отведать сегодня этих блюд.

«Вот те на, неудивительно, что его называют богатеём. Этот человек Жун Тяню наверняка будет полезен. К счастью, он его учитель».

Подумав об этом, князь невольно и ненадолго задумался, после чего с изумлением обратился к Сяо Цзуну:

— Транспорт и перевозки — артерия экономики. Самый огромный в одиннадцати государствах караван купеческих судов появился совершенно не благодаря владению меча, наверняка у господина наставника превосходные способности к торговле. Фэн Мин преподносит наставнику чашу.

Пробыв долгое время в кругу знати, молодой князь не мог не изучить аристократичные формальности. Потому, произнося свою речь, Фэн Мин польстил мужчине, причём сделал это действительно очень складно и с необычными манерами.

Только что согласившийся на чашу Жун Тяня Сяо Цзун, чьё выражение лица совершенно не менялось, продолжая быть равнодушным [4], сейчас, после слов Фэн Мина, неожиданно изменился в лице, обнажив шелковинку замешательства.

Сяо Цзун поднял голову и взглядом, подобным острому лезвию меча, смерил князя, после чего неожиданно запрокинул голову, осушая рюмку.

С таким характером, как у этого мужчины, такое поведение уже было огромной честью для юноши.

— Я тоже хочу преподнести чашу господину наставнику, — донёсся звонкий смех Мэй Цзи, а сама женщина мило подняла бокал. — Мэй Цзи хочет преподнести учителю... — Словно искрящимся взглядом она непренуждённо посмотрела на Сяо Цзуна и, поразмыслив с минуту, искренне сказала: — Ведь только учитель смог выучить такого человека, как император Силэй. А Мэй Цзи, эта женщина, которая предпочла миру императора Силэй и всегда мечтала быть рядом с ним, просит учителя осушить эту чашу.

Такой красавице даже Сяо Цзун не смог отказать, и, слегка улыбнувшись, он поднял бокал, выпивая.

Звуки заранее подготовленных струнных и духовых инструментов, словно всколыхнувшись от ветра, стали тихо доноситься с улицы, наполняя комнату прекрасной мелодией, которая была как нельзя кстати.

Выпив три бокала вина, Сяо Цзун перевернул сосуд и приглушённо проговорил:

— Настроение пить пропало, да и расточительно относиться к кулинарному мастерству Мэй Цзи тоже не стоит.

Только тогда все приступили к трапезе.

Кроткая и милая Мэй Цзи хорошо владела искусством гостеприимства. И весь вечерний банкет женщина то пела, то делилась методами приготовления блюд и неумолимо рассказывала забавные истории одиннадцати государств.

Слушая её нежный голосок, мужчины наслаждались вкусными блюдами, радуя и себя, и хозяев.

Князь, воспользовавшись моментом, приблизился к уху Жун Тяня и шепнул:

— По правде сказать, чем дольше смотрю, тем больше убеждаюсь, что Мэй Цзи хорошая женщина.

На что император Силэй предупредительно посмотрел на Фэн Мина:

— Ты уже напился, не стоит больше пить.

— Переводишь тему... — отозвался Фэн Мин.

Жун Тянь подмигнул стоящей сзади Цю Лань, которая, тотчас же приблизившись, спешно в рукаве одежды спрятала от князя стоящий на столе чайник для вина, после чего вновь отступила назад.

После основных блюд служанки подали разнообразные сладости и фрукты.

Порывы ночного ветра, неспешно врывавшегося в комнату, бодрили.

Вечерний банкет наконец закончился.

Малоразговорчивый Сяо Цзун тихо сидел на своём месте. Сейчас, переведя взгляд на Жун Тяня и шепчущего ему Фэн Мина, мужчина внезапно приглушённо сказал:

— Прошу князя Мина подойти, позвольте мне внимательно посмотреть на Вас.

Положение хозяина было особенным, а в словах чувствовалась мощь, которой сложно было воспротивиться. Князь остолбенел и, взглянув на Жун Тяня, отозвался:

— Хорошо.

Исходящая аура Сяо Цзуна пробирала до костей и не позволяла вести себя разнузданно, даже Фэн Мин покорился ей и, с почтением подойдя к мужчине, сел рядом, скрестив ноги, после чего скромно спросил:

— У господина есть какие-то распоряжения?

Сяо Цзун смерил князя взглядом, заставляя последнего чувствовать, будто этот свирепый и внимательный взгляд пробирается под кожу аж до самых костей, однако сейчас находясь рядом с императором Силэй, ради репутации которого во всяком случае не стоило проявлять трусость, князю ничего другого не оставалось, как заставить себя гордо поднять голову и, затаив дыхание, выдержать испытание молчаливого Сяо Цзуна.

В момент, когда мужчина открыл рот, все затихли.

Жун Тянь ни на секунду не отводил взгляд от двух человек.

— Прошу князя Мина вытянуть ладони, — наконец-то неспешно открыл рот Сяо Цзун, после того как долгое время внимательно рассматривал Фэн Мина. Князь покорно повернул ладони и протянул их мужчине.

Будучи избалованным Жун Тянем и живя в роскоши, князь Мин не касался какой-либо тяжёлой работы, а Цю Лань и другие служанки всячески заботились о нём, поэтому белые и нежные пальцы были подобны пёрышкам лука, цвет кожи блестящий, словно жемчужины, что выглядело крайне привлекательно.

Любой, кто увидел бы эти руки, наверняка испытал бы эстетическое удовольствие.

Но господину Сяо стоило лишь взглянуть на них, как в его глазах появилось смутное недовольство и разочарование. Отведя взгляд, мужчина равнодушно проговорил:

— Князь Мин, прошу, вернитесь на своё место.

Фэн Мин оказался в замешательстве, не понимая, когда и как оскорбил учителя, однако всё так же покорно вернулся к Жун Тяню и с обидой мельком посмотрел на него.

Молодой мужчина, в свою очередь воспользовавшись тем, что пока никто не обращает на него внимания, убрал руку со стола, незаметно скользнул вниз и, положив её на ногу князя, слегка

погладил, словно утешая.

Являясь уникальным учеником Сяо Цзуна, император Силэй понимал намерения учителя больше, чем кто-либо из присутствующих. Одно лишь поведение Сяо Цзуна давало понять, что он совершенно не желал зла, наоборот, этот человек, лучший мастер меча во всех одиннадцати государствах, очевидно, хотел взять Фэн Мина в ученики.

Только вот чего молодой мужчина действительно не мог понять, почему же такой талантливый человек, как князь Мин, удостоился лишь благосклонного взгляда всегда гордого Сяо Цзуна?

Столько несравненно талантливых учеников преклонили колени перед Сяо Цзуном и, несмотря ни на что, завоевали прямой взгляд учителя. Неужели Фэн Мин совершенно бесталанный?

Ладонь внезапно крепко сжали, свирепо глядя на красивое лицо Жун Тяня, который только тогда с абсурдностью понял, что разумом находится не здесь, а у руки, которая утешала, кажется, пробудилось собственное сознание, или, возможно, по привычке неожиданно она дотронулась до места, которое не стоило трогать на банкете.

— Какие мысли заставили так сильно задуматься императора Силэй? — донёсся со стороны голос Мэй Цзи.

Жун Тянь, дав волю рукам, исподтишка поглаживал ногу князя:

— Мысли о матушке-императрице.

В этот раз они, вернувшись, так и не успели встретиться с приехавшей ранее женщиной. Она, являясь не только матерью Жун Тяня, но и вдовствующей императрицей Силэй, всегда бесстрашно шла навстречу невзгодам, более того, решила тайком вернуться в Силэй, чтобы подготовить всё к возвращению Жун Тяня на родину. Такой решительный человек вызывал головную боль и огромное беспокойство у императора Силэй.

— Оказывается, о матушке-императрице, — и Мэй Цзи кивнула. — Вдовствующая императрица действительно восхитительная женщина. Благоговейно почитаемая в императорском дворце, она, неожиданно, последовала за императором Силэй в Дунфань, к тому же смогла проникнуть во вражеский дворец. На самом деле, Мэй Цзи тоже неоднократно убеждала, прося её не уезжать вперёд императора Силэй, однако ничего не смогла сделать.

По приезду в лагерь Фэн Мин специально отстал от них, болтая с Цю Лань, Жун Ху и остальными, потому не слышал их с Жун Тянем беседу и понятия не имел о положении Её Величества. Однако сейчас, едва услышав, князь понял, что женщина уже отправилась в путь, и в душе завопил от стыда.

Всё из-за того, что похотливый Жун Тянь затуманил рассудок и во время купания с животной

страстью набросился на него, а после заставил в расслабленном состоянии ползти на вечерний банкет. Когда бы князь умудрился расспросить о местоположении Её Величества?

Действительно крайне непочтительно!

На что Жун Тянь ответил:

— Хоть Тун-эр способный, однако сейчас императорская власть в его руках. Матушка-императрица хочет тайком вернуться в Силэй, я поневоле забеспокоился.

— Не нужно беспокоиться, — проговорил Сяо Цзун.

Жун Тянь знал, что учитель никогда не «трепался» и если уж открыл рот, то наверняка тайком отправил нескольких хорошо обученных подчинённых для защиты женщины, поэтому с благодарностью взглянул на Сяо Цзуна:

— Премного благодарен, учитель.

Все во время банкета наелись досыта, а когда он уже закончился, сладостей и фруктов также почти не осталось.

Вот только, кажется, никто не хотел упускать эту ночь, и, когда служанки вышли вперёд, чтобы убрать со стола, Жун Тянь первым делом обратился к поднявшемуся Сяо Цзуну, добровольно предложив:

— Я сопровожу господина наставника.

На что учитель обернулся и, глубоким взглядом посмотрев на него, кивнул:

— Хорошо. — И охотно зашагал.

— Фэн Мин, я позже вернусь. Ты послушно жди.

Мэй Цзи сказала со смехом:

— Как кстати, а я хотела задержать князя Мина, чтобы поболтать. Государь, отпустите князя Мина на сегодняшний вечер, хорошо?

Император взглянул на князя.

Находясь в лагере, Фэн Мин понимал, что Жун Тянь неизвестно когда вернётся, а одному сидеть в пустой комнате скучно, потому кивнул:

— Возвращаться одному неинтересно, я лучше пообщаюсь с Мэй Цзи.

Император Силэй, кивнув, погладил Фэн Мина по лицу и, в итоге не сдержавшись, наклонился к губам князя, даря спешный поцелуй.

Фэн Мин никак не ожидал, что возлюбленный перед всеми осмелится на подобное безобразие, вскрикнув, князь хотел пристально просверлить его взглядом, но обнаружил, что Жун Тянь уже развернулся и спешно догнал уходящего Сяо Цзуна.

Юноша ничего не мог поделать и, вынужденно повернувшись, обратился к Мэй Цзи, пожав плечами:

— Итак, куда мы отправимся поболтать?

— Князь Мин является дорогим гостем, то, конечно же, нужно оказать князю Мину приём, о котором мечтают все мужчины мира.

— Оказать приём, о котором мечтают все мужчины мира?

Посмотрев на его очаровательную мордашку, Мэй Цзи мелодично-звонко засмеялась:

— Можете войти в опочивальню Мэй Цзи. Неужели никто из мужчин не мечтает о подобном приёме?

В этих словах совершенно не было ничего особенного.

Её слава красавицы гремела на всю Поднебесную, даже император Боцзянь при выборе наследного принца умолял привезти эту женщину во дворец. Сколько мужчин в мире не хотели бы заглянуть и наведаться в её опочивальню?

Мэй Цзи от природы обладала даром внушать людям доверие; потянув Фэн Мина за руку, женщина отправилась в свою опочивальню. За дверью кончик носа наполнился отвратительным и резким цветочным запахом, а в ночном небе раздавался звон ветряных колокольчиков.

Ветер, беспечно царящий снаружи, совершенно не знал, какая ситуация была в комнате.

Мэй Цзи остановилась и, посмотрев на следующих за ними Цю Лань и Жун Ху, с улыбкой

сказала:

— Можете позволить нам с князем Мином поболтать наедине?

Был бы это кто-нибудь другой, то Жун Ху и Ле-эр тотчас же без лишних слов покачали бы головой.

Однако Мэй Цзи с Жун Тянем являлись давними знакомыми, к тому же женщина глубоко любила Жун Тяня, более того, императору Силэй, когда он неоднократно попадал в беду, руку помощи протягивала именно Мэй Цзи. Тогда на берегу реки Оман она, притворившись императрицей Силэй, одурачила Жо Яня и в конце концов помогла освободить Фэн Мина. Когда князь, направляясь в Дунфань, лишился чувств в землях Юньинь, Жун Тянь сказал местонахождение отшельницы Мэй Цзи, приказав при малейшей опасности обратиться к ней за помощью.

Кроме матушки-императрицы, Мэй Цзи являлась женщиной, которой Жун Тянь больше всех доверял.

Все, подумав, посчитали, что женщина не позволит толпе войти в комнату, и тотчас же посторонились.

— Мы подождём снаружи. — Жун Ху, поклонившись красавице Мэй Цзи, тотчас же отступил.

На что женщина, мягко засмеявшись, сказала:

— Премного благодарна. — И, потянув Фэн Мина, скрылась в опочивальне.

Порыв тонкого аромата обдал лицо.

На двери находился великолепный многослойный шёлковый занавес, а оригинальный узорчатый ковёр, что тянулся от порога, казалось, покрывал весь пол в комнате.

Подняв вторую дверную занавеску, можно было увидеть старинный простой низкий столик, стоявший в маленькой комнате. По краям этого столика уже расположились двое гостей, которые, услышав звук шагов, обернулись к только что вошедшей Мэй Цзи, которая со смехом сказала:

— Да, прошу, входите.

В эту же минуту грациозная тень поднялась с места и нежно, обратившись к Фэн Мину, позвала:

— Князь Мин, как Вы после нашей последней встречи? [5] — До боли знакомый голос и улыбка поразили юношу, заставляя остановиться.

Фэн Мин ненадолго остолбенел и, обернувшись, уставился на рядом стоящую Мэй Цзи, которая по-прежнему улыбалась, и со вздохом проговорил:

— Видимо, крайне безопасное место порой может превратиться в очень опасное.

Мэй Цзи по-прежнему оставалась спокойной и равнодушной:

— Прошу князя Мина сначала не гневаться, Мэй Цзи ручается, что здесь никто не питает ненависти к князю Мину.

— Как я могу гневаться? Как мясо на разделочной доске [6], — горько усмехнулся князь.

Час гибели приблизился, раз уж здесь обманули, то ещё есть шанс найти какую-нибудь лазейку, чтобы ускользнуть.

Когда Жун Тяня не было рядом, огромное чувство опасности служило наилучшим стимулом пораскинуть мозгами. Воспоминания о многократных испытаниях всплыли в голове, и нейроны задвигались в сто раз быстрее обычного.

Как только состояние достигло максимального предела, лицо князя просияло, кроме того, он вышел вперёд и, непринуждённо сев за столик, обратился к Мэй Цзи, с улыбкой сказав:

— Я вспомнил, что Вы родом из Фаньцзя.

После чего обернулся к несчастным влюблённым, которые сидели напротив:

— Позвольте мне угадать, убийство императора Тун Цин Дина и Мяо Гуан в Ханьгуй — ваших рук дело?

Верно.

Из-за угроз Мяо Гуан и неспособности отыскать пристанища в Боцзянь хотелось разорвать принцессу Ли на десять тысяч частей [7], а кроме несчастных влюблённых — Бо Лина и третьей принцессы Фань Чжи — кто ещё мог так поступить?

Четвёртый принц Боцзянь Бо Лин, как всегда, был элегантен, лишь лицо несколько изменилось из-за случившихся невзгод; услышав слова Фэн Мина, Его Высочество посмотрел на лежащий под рукой меч в ножнах и с недовольством ответил:

— Бо Лин бесполезен, под этим мечом Цин Дин сложил свою голову, но Мяо Гуан сбежала.

На самом деле их основной целью являлась Мяо Гуан, вот только несчастный Цин Дин был убит ни за что. Услышав ответ Бо Лина, князь в душе закричал от боли.

Раз Бо Лин осмелился собственноручно убить Цин Дина, то его искусство владения мечом наверняка довольно неплохое. Находясь совсем близко, четвёртый принц Боцзянь держал меч в любимой руке, и хоть не извлекал лезвие из ножен, однако эффект от этого был таким же, как если бы остриё уже упиралось в нежную шею князя.

Кто бы мог подумать, что Его Светлость неожиданно легко поймают, словно зайца в самом строго охраняемом месте, которое должно было быть безопасным.

Вот уж действительно несчастная судьба.

Фэн Мин с трудом выдавил некрасивую улыбку:

— Четвёртый принц из-за неудачи с Мяо Гуан неужели тотчас же задумал найти и убить меня? Здесь, кажется, нет здравого смысла...

— Мы приехали повидаться с князем Мином, чтобы преподнести ему подарок, выражая наши дружелюбие и искренние помыслы, — неторопливо проронила третья принцесса Фаньцзя.

И Бо Лин вытянул руку, выдвигая квадратный узорчатый короб и ставя его перед князем, и мягко сказал:

— Этим подарком позвольте заранее поздравить императора Силэй с огромной победой — становлением правителем Поднебесной.

Этот узорчатый короб оказался перед глазами, хоть он и был хорошо закрыт, однако по-прежнему чувствовался едва уловимый запах крови, который тотчас же ударил в нос.

Фэн Мин догадался, что внутри, и поспешно остановил Бо Лина от дальнейших действий:

— Незачем открывать. — Отодвинув от себя короб подальше, князь лишь тогда глубоко вздохнул и, сложив руки, откровенно сказал: — Вы обманули меня, кроме того, подарили «подарок». В мире может быть что-то хорошее? Ладно, продавец заламывает цену, покупатель тут же её сбивает [7]. Если у двух благородных есть какие-нибудь условия, смело говорите.

Бо Лин убрал руку, которой собирался открыть короб, и, натянуто улыбаясь, посмотрел на князя:

— Неужели князь Мин не хочет взглянуть на голову Цин Дина и порадоваться, как император Силэй?

— Убийство никогда не заставит порядочного человека по-настоящему радоваться. — Глядя на бесцеремонные манеры четвёртого принца, Фэн Мин вспомнил учение Жун Тяня: во время переговоров, если столкнулся с «наступлением», нужно как-то отреагировать, иначе без силы можно потерпеть поражение, — и немедленно принял равнодушный вид.

Сидящая напротив парочка нуждалась в князе, изначально планируя испугать его опасной обстановкой, а после, подарив голову Цин Дина, расправиться с искренней душой Фэн Мина. Действуя одновременно мягко и упрямо, они бы смогли достичь успеха. Но кто бы мог подумать, что на полпути к цели Фэн Мин начнёт вести себя то страстно, то равнодушно, отчего двое невольно обменялись испуганными взглядами.

Поняв, что лучше прекратить подобный подход, парочка тотчас же сменила позицию и приветливо сказала со смехом:

— Князь Мин прав. Убийство действительно не благое дело.

И тогда третья принцесса перешла прямо к делу [8]:

— Мы приехали, чтобы попросить князя Мина о помощи, и как можно скорее.

В душе юноша насторожился. Пройдя множество уроков, Фэн Мин в итоге приобрёл некоторый опыт, среди которого было крайне ценно одно — независимо от того, что хотят сделать Жун Тяню, в первую очередь нанесут удар именно князю.

Похоже, именно Его Светлость являлся слабым местом [9] императора Силэй.

Возмутительно.

Хоть Фэн Мин и был охвачен яростью, однако не забывал, что у Бо Лина под рукой меч, поэтому князь, не усугубляя положения, немного подумал и спросил:

— Третья принцесса хочет людей?

На лицах Бо Лина и Фань Чжи проскользнуло изумление, и парочка вновь переглянулась.

Третья принцесса начала:

— Откуда князь Мин догадался, что нам нужны люди?

Чем критичней было положение, тем лучше мозг соображал; князь загадочно улыбнулся:

— Третья Принцесса разве не помнит, что перед своей отправкой в Боцзянь Мяо Гуан уже приезжала в столицу Силэй, чтобы встретиться со мной?

Красивые глаза принцессы резко распахнулись:

— Князь Мин хочет сказать...

— Я хочу сказать, что... — Мысль резко изменилась, князь смутно о чём-то догадывался, однако это сразу же утекло сквозь пальцы, во всяком случае, эти двое тоже не такие хорошие люди, и, вновь прибегнув к уловке, которой однажды провёл Лу Даня, Фэн Мин решительно распустил язык: — Кто-то уже догадался, где находятся третья принцесса и принц Бо Лин.

Будучи несколько смышлёнее, Бо Лин невозмутимо сжал меч и рассмеялся:

— Слова князя Мина бессмысленны. Если заранее знали, что мы здесь, то почему в одиночку явились на встречу?

Князь упорядочил мысли.

Неизвестно, о чём ушёл побеседовать Жун Тянь с Сяо Цзуном, однако он всё ещё не возвращался. Фэн Мин не находил себе места, но внешне по-прежнему оставался холодным, со смехом говоря:

— Мяо Гуан, подвергшись угрозе со стороны императора Фаньцзя Лун Тяня, вынужденно прибегла к свадьбе с принцем Боцзянь, чтобы спасти себя. Ваши старания вести дела Боцзянь наверняка испортились, и, почти потеряв жизни, вы вынужденно бежали в Фаньцзя. Третья принцесса изначально является персоной царствующего дома Фаньцзя, а принц Бо Лин может заниматься как умственным, так и физическим трудом, но, к сожалению, не обладает властью, иначе схватился бы насмерть с Лун Тянем, который узурпировал престол страны.

Князь своими словами пытался одурачить, однако Бо Лин, не торопясь попадаться на крючок, проговорил:

— Я по-прежнему не понимаю, почему князь Мин согласился, невзирая на опасность, встретиться с нами?

Сделав глубокий вдох, Фэн Мин постарался обнажить крайне искренний вид:

— Из-за ваших требований я с любезностью согласился.

Как только речь прервалась, на лице Бо Лина проскользнуло какое-то странное выражение. Фэн Мин, заметив, что что-то с принцем не так, в душе закричал «плохо дело!» и невольно отпрянул.

Покосившись на князя, а затем отведя взгляд, четвёртый принц, напротив, поменял тему разговора, медленно проговорив:

— Мы смогли избежать судьбы благодаря Мэй Цзи, которая позаботилась об оставшейся императорской крови Фаньцзя, а когда стало известно, что Мяо Гуан прибыла в Боцзянь, Мэй Цзи отправила людей, чтобы сообщить это нам, позволив нам своевременно уйти от смерти. — Признательно посмотрев на женщину, Бо Лин продолжил: — Скрывшись в Ханьгуй, мы хотели убить Мяо Гуан, и, как раз застав её тайную сделку с императором Тун Цин Дином, мы изначально хотели воспользоваться случаем и убить принцессу, однако неожиданно убили Цин Дина, — и глубоко вздохнул.

Такой шанс и в тысячу лет не встретишь, и всё же, позволив Мяо Гуан избежать судьбы, Бо Лин и третья принцесса прекрасно понимали: потом устранить этого смертельного врага будет ещё сложнее.

Князь же смутно понимал.

За этой парочкой теперь гонялись не только Мяо Гуан, но и люди государства Тун, желая уничтожить. Их положение было безвыходным [10].

— При таких обстоятельствах, не имея ни клочка своей земли, нам только и остаётся, что скрепя сердце вернуться в Фаньцзя, чтобы вновь отвоевать престол, только тогда защитим своё благополучие.

Когда заговорили про Лун Тяня, Фань Чжи скрежеща зубами процедила:

— Врага, уничтожившего мой царствующий дом, ждёт возмездие!

В те годы императорский род Фаньцзя был беспощадно уничтожен сошедшим с ума Лун Тянем.

Подумав, что благородная принцесса сейчас скитается без пристанища, Фэн Мину действительно стало её жаль, и он невольно смягчился:

— Третьей принцессе не стоит убиваться: что Лун Тянь непорядочный, мне тоже известно. Государство Тун — могущественный враг Силэй, и поскольку вы забрали голову Цин Дина, это всё равно можно считать огромной помощью для Жун Тяня. — А сам князь задумался: «Если третьей принцессе удастся отвоевать престол Фаньцзя, то она станет одним из многих соседов-врагов государству Ли, что, напротив, тоже неплохо». После чего спросил: — Не знаю, сколько принцессе нужно людей?

— Сколько? — изумилась Фань Чжи.

Князь также был ошарашен:

— Не Вы говорили, что хотите позаимствовать войска, чтобы атаковать Фаньцзя?

Бо Лин похлопал себя по лбу:

— Князь Мин действительно пытается обмануть меня. Нам нет нужды брать войска, нам лишь нужен мастер.

Фэн ещё больше изумился:

— Мастер?

— Мастер, который сможет убить Лун Тяня, — сказал Бо Лин.

Третья принцесса же пояснила:

— В руках Лун Тяня войска по большей части моего Фаньцзя, вот только опасаясь, что Лун Тянь станет злоупотреблять властью, они не смеют противиться ему.

Бо Лин проговорил:

— У нас в Фаньцзя есть старые добрые друзья, которые по-прежнему преданы принцессе, как только Лун Тянь умрёт, появится третья принцесса и тотчас же возьмёт власть в свои руки.

Фэн Мин познал ученье Жун Тяня «не понимаешь, притворись понимающим», однако этот приглашённый князь с растерянностью захопал ресницами, что обрамляли иссиня-чёрные глаза:

— А какой мастер может бесцеремонно уничтожить государя?

Третья принцесса обнажила до крайности очаровательную улыбку:

— Кроме господина Сяо, кто ещё обладает подобными навыками?

Князь широко открыл рот.

Целью, оказывается, являлся учитель Жун Тяня!

Этот известный своей надменностью и нелюдимый человек согласится убить Лун Тяня? Фэн Мин с удивлением и изумлением спросил:

— Вы ищите господина Сяо, тогда почему позвали меня?

Стоило князю задать этот вопрос, как Бо Лин внезапно обнажил лёгкую, но в то же время странную улыбку.

Четвёртый принц многозначительно посмотрел на Фань Чжи, которая тихо вздохнула:

— По-видимому, князю Мину совершенно неизвестно собственное прошлое.

— Моё прошлое? — естественно, юноша сказал, что это его дело. По правде сказать, «своё» прошлое князь совершенно не знал.

Изначально он являлся наследным принцем Силэй, а впоследствии превратился в сына старого князя Жуна, и только несчастный умерший генерал Дунфань Цан Янь узнал в нём сына своего старого друга. Вот только слова Цан Яня всё же не лишены были смысла, ведь даже старый князь не был таким человеком, который позволил бы своему родному сыну стать козлом отпущения, сделав его наследником престола.

На первый взгляд Мэй Цзи совсем не понимала их козыри, улыбаясь с естественной беззаботностью и сидя на другом конце стола, но сейчас она нахмурила изящные тонкие брови и наконец спросила:

— Какое отношение прошлое князя Мина имеет к учителю Сяо?

Бо Лин был крайне благодарен Мэй Цзи за помощь, поэтому, заметив, что женщина задала вопрос, не стал больше интриговать и, улыбнувшись Мэй Цзи, мягко ответил:

— Поскольку господин Сяо на самом деле отец князя Мина.

Отец?

Над головой словно кто-то начал бить в золотой гонг, а сам князь был крайне ошарашен и не мог скрыть неопишуемого удивления и потрясения, что застыли на лице.

Этот с детства живущий во дворце Силэй и вдоволь хлебнувший издевательств, а впоследствии неизвестно почему всё же покончивший с собой, утопившийся и умерший марионетка-

наследный принц Ань Хэ неожиданно оказался родным сыном учителя Сяо?

Родным сыном этого со смутным престижем, превосходящим всех монархов одиннадцати государств, величественного и некоронованного мастера меча этой эпохи Сяо Цзуна?

В комнате воцарилась тишина.

Фэн Мин, медленно опустив голову, посмотрел на тело и руки, сам он с тех пор, как попал в эту эпоху, совсем не задумывался, что его второе тело знатного происхождения. Один отец такого высокого происхождения, почему Ань Хэ не получил от этого выгоду? Переведя взгляд на Мэй Цзи, князь выдавил горькую улыбку:

— Неизвестно, сколько детей у господина Сяо?

Слава утончённого и выдающегося Сяо Цзуна гремела по всему миру; в этой эпохе, где мясо слабого — пища сильного [11], за таким горячим мужчиной наверняка охотилось немало преданных женщин.

Мэй Цзи, словно впервые увидев Фэн Мина, внимательно посмотрела на него и спустя долгое время хмуро проговорила:

— У господина Сяо нет детей. — Обведя взглядом красивых глаз прекрасного князя, женщина со вздохом добавила: — Всем известно, что господин Сяо с давних пор хочет сына.

Фэн Мин застыл от удивления: оказывается, у такого богатого мужчины, как Сяо Цзун, который понятия не имел, сколько собственных детей скиталось по свету, ещё не было детей? Кто бы мог подумать!

Понимая этот пункт, все одновременно затаили дыхание и, тихо размышляя, поочерёдно перевели взгляды на князя. В нависшей тишине раздались тяжёлые и в то же время торопливые шаги, поначалу они слышались вдалеке, однако через мгновение — уже за дверью. Находящиеся в глубоком раздумье люди внезапно отреагировали, но стоило им двинуться с места, как занавеска уже поднялась и высокая фигура почти закрыла собой дверной проём.

Стоящий там Жун Тянь выглядел как обычно, вот только его взгляд был свирепым, подобно коршуну, сначала он бросил косой взгляд на Мэй Цзи, затем неторопливо посмотрел на Бо Лина и третью принцессу Фаньцзя и, уже потом переведя глаза на Фэн Мина, равнодушно проговорил:

— Фэн Мин, подойди. — Взгляд чёрных глаз внезапно стал тяжёлым.

Хоть молодой мужчина и не сердился, однако все присутствующие чувствовали, как сердца бешено забились в груди и словно дышать стало тяжело, а Мэй Цзи, первая испытавшая такой

отрешённый взгляд Жун Тяня, невольно испугалась, а принявшие на себя удар Бо Лин и третья принцесса Фаньцзя, подвергшись могуществу Жун Тяня, почувствовали себя некомфортно.

Вот только князь, увидев Его Величество, в душе, которая пребывала в растерянности, внезапно обрадовался и, спешно подойдя к возлюбленному, встал рядом.

Четвёртый принц поначалу думал, что уместнее «позаботиться» о князе Мине, однако кто мог знать, что внезапно появится Жун Тянь. Когда князь направился вперёд, меч тотчас же лёг на стол, а сам Бо Лин предполагал, что с его искусством владения меча остановить Фэн Мина будет совсем не сложно.

Однако поднять меч на сокровище Силэй — императора Жун Тяня и князя Мина, единственного сына господина Сяо, — разве не смерти подобно? Бо Лин быстро передумал и, сдержав порыв схватить Фэн Мина, спокойно смотрел на князя, который невозмутимо подошёл к Жун Тяню. В те годы почти заполучивший место наследного принца Боцзянь, Бо Лин, обладая кругозором и реакцией, отличной от простого люда, прекрасно понимал, что уже упустил преимущество, и вопреки этому улыбнулся, с достоинством поднявшись:

— Бо Лин рад видеть государя Силэй. — И, подняв руки, поприветствовал [12].

Не дожидаясь ответа Жун Тяня, четвёртый принц выпрямился и, подойдя, откровенно признался:

— Честно скажу государю Силэй: Бо Лин и третья принцесса на этот раз умоляли Мэй Цзи помочь нам. Действительно, это было вынужденной мерой. Тогда, когда мы похитили и привезли князя Мина в Боцзянь, государь Силэй затаил глубокую злобу на нас, сейчас не окажись в безвыходном положении, как бы мы осмелились показаться государю Силэй на глаза? Бо Лин уже давно понял, что нас ждёт два исхода: либо смерть от руки императора Силэй, либо помощь императора Силэй, однако первый вариант всё же реалистичнее, — тяжело вздохнув, Бо Лин пристально уставился на Жун Тяня. — Вот только если умрём от руки императора Силэй, то это всё же лучше, чем от руки Мяо Гуан или Лун Тяня. Если государь Силэй помнит проступок Бо Лина, то может смело нанести удар.

Бо Лин смотрел на смерть как на возвращение домой [13], так как говорил уверенно в едином порыве слов, трогая сердце, не только показывая безупречность действий, но ещё и косвенно привлекая сюда красавицу Мэй Цзи.

Этот четвёртый принц, Бо Лин, оказался таким сообразительным.

Стоящий в стороне Фэн Мин смотрел, остолбенев, и, повернув голову, взглянул на Жун Тяня. Однако молодой мужчина, с момента как переступил порог комнаты, по-прежнему не менялся в лице, во взгляде тихо плескался холод, но вот разум был не здесь, более того, испуская самое грозное в мире величие, государь спокойно выслушал Бо Лина и только тогда спокойно сказал:

— Четвёртый принц угадал.

У всех в душе похолодело от осознания того, что значат его слова.

Жун Тянь с холодностью добавил:

— Я действительно не пощажу того, кто осмелится навредить Фэн Мину. — Он завёл руку за спину, и тотчас же следовавший за господином Жун Ху спешно подошёл и, опустившись на колени позади государя и видя, что последний рукой старается найти, немедля обеими руками преподнёс меч.

Сверкнул холодный блеск, и Жун Тянь, вытащив меч из ножен, направил его прямо на Бо Лина. Будучи учеником Сяо Цзуна, Жун Тянь со злостью вынул меч, а это уже дело не шуточное. Принц, лишь заметив, как зарябило в глазах, почувствовал холодный воздух между бровями, он тоже отлично владел мечом и, резко изменившись в лице, внезапно отступил назад.

Третья принцесса побледнела от страха и звонко крикнула:

— Император Силэй, опустите меч и пощадите! — и бросилась к молодому мужчине.

Разве Жун Тянь обратил внимание на возгласы женщины? Остриё меча было направлено на поверхность стола, запястье шевельнулось, и лежащий на столе меч Бо Лина взметнулся в воздухе и подлетел к четвёртому принцу Боцзянь.

Государь резко ответил:

— Этот император не убивает беззащитных, вытаскивай свой меч.

Еле держащийся на ногах Бо Лин ещё не опомнился от испуга, однако после того, как государь Силэй оставил на его лице несколько кровавых царапин, четвёртый принц оказался в бедственном положении. Взяв брошенный ему меч, Бо Лин поднял голову и увидел, что остриё клинка Жун Тяня, могуществу которого не было равных, уже перед лицом.

Его Высочество понимал, что с Жун Тянем, в отличие от князя, будет сложнее справиться, и если бы не крайние меры, то он сегодня наверняка отдал бы свою жизнь, однако даже на требование императора Силэй вытащить меч лучше всего набраться наглости, и, отбросив оружие назад, Бо Лин с холодной усмешкой уставился на Фэн Мина:

— Князь Мин не хочет узнать, кем является его мать?

Мать Ань Хэ?

Фэн Мин в душе вздрогнул, и Жун Тянь, словно почувствовав это, остановился, обернулся посмотреть на князя, после чего вновь взглянул на Бо Лина и со сверкающим взглядом проговорил:

— Если сейчас откровенно скажете, то этот император ручается за дальнейшую безопасность третьей принцессы. — Недавно вошедшему императору стало всё понятно с первого взгляда, молодой мужчина догадывался, что Бо Лин в душе замыслил что-то против Фэн Мина, и сейчас, когда козырь был выдвинут прямо перед глазами, как мог Жун Тянь так легко пощадить принца?

Третья принцесса, услышав это, подошла к Бо Лину и равнодушно сказала:

— Премного благодарна государю за заботу, но мы муж и жена — вместе живём, вместе и умрём, Фань Чжи не станет влачить жалкое существование.

На что Жун Тянь холодно усмехнулся, но меч опустил. Мягкосердечный Фэн Мин навряд ли захотел бы увидеть кровь этой непредсказуемой парочки, поэтому император Силэй громко приказал:

— Жун Ху, оставляю их тебе, до завтрашнего ужина этому императору необходимо узнать ответ.

Мэй Цзи не ожидала, что Жун Тяня не удастся ввести в заблуждение и внезапно он примет моментальное решение. Увидев, что четвёртого принца и третью принцессу связывают, спешно позвала:

— Ваше Величество, прошу, послушайте меня, у них нет дурных намерений. На этот раз они лишь приехали с желанием, чтобы государь перешёл на их сторону. Лун Тянь является вашим общим врагом, ведь не лучше ли победить врага, объединившись? К тому же они ради государя убили императора Тун — Цин Дина — и принесли его голову в знак подарка.

— Если хотели, чтобы этот император перешёл на их сторону, тогда зачем решили сначала встретиться с Фэн Мином? — Сделав тяжёлый вздох, Жун Тянь вернул меч в ножны и серьёзно спросил: — Мэй Цзи, почему даже ты так обходишься со мной? — И шелковинка разочарования скользнула по решительному лицу.

В крайне безопасном месте он, император Силэй, никак не мог предположить, что попадёт в ловушку женщины, которой больше всего доверял.

Почему всегда все любыми способами хотят увезти от него, императора Силэй, Фэн Мина?

Взгляд Жун Тяня был подобен иглам, которые вонзились в сердце Мэй Цзи, причиняя резкую боль.

Она благодаря своей красоте прославилась на всю Поднебесную, была понимающей, всегда принимала заботу и любовь мужчин, и, несмотря на то, что у Жун Тяня сердце уже было занято, к ней до сих пор император Силэй проявлял нежность и вежливость. Однако сейчас, судя лишь по взгляду Жун Тяня, женщина всё прекрасно поняла.

Всё, за что она боролась, приложив душевные силы, было уничтожено сегодня.

После этого ей места в сердце Жун Тяня больше не останется.

Из-за Фэн Мина.

Любой человек в мире, который вызывал у императора Силэй чувство тревоги за князя, с этого момента лишался привилегии быть рядом.

Из-за короткой встречи Фэн Мина и парочки супругов — Бо Лина и третьей принцессы — её тщательно таящиеся в последние годы любовь и нежность были потеряны за один день.

Мэй Цзи горестно рассмеялась:

— Государь хочет, чтобы Мэй Цзи спокойно смотрела, как последний царствующий род Фаньцзя исчез, и не протягивала руку помощи? Фаньцзя хоть и не является лучшей в мире страной, в конце концов она — моя родина. Слова излишни, поскольку я пообещала им, значит заранее знала, что вызову гнев государя. Вот только Мэй Цзи клянётся Небом: даже если бы государь Силэй не подоспел, Мэй Цзи никому бы не позволила навредить князю Мину. — Тон её был холоден, а сама женщина спросила у Жун Тяня: — Государь и Мэй Цзи отдаст Жун Ху?

Молодой мужчина крайне глубоким взглядом посмотрел на эту женщину, с которой его многое связывало, и с шелковинкой горести улыбнулся, качая головой:

— Нет.

Князь, беспокоившийся, что Жун Тянь, разозлившись, может сорвать злость на Мэй Цзи, сейчас в душе вздохнул с облегчением и спешно стиснул шероховатую и большую ладонь Жун Тяня.

Услышав ответ императора Силэй, Мэй Цзи с по-прежнему бледным лицом, словно красивая фигура изо льда, спустя долгое время равнодушно проронила:

— Я хочу отдохнуть, и раз уж думаете заключить меня под стражу, прошу государя забрать с собой князя Мина и уйти к себе. Только третья принцесса является последней надеждой царствующего дома моего Фаньцзя, надеюсь, государь примет во внимание их помощь в убийстве Цин Дина и не станет сурово наказывать Её Высочество. — И медленно подвинула стоящий на столе короб, в котором лежала голова императора Тун.

Тун и Силэй были соседями и всегда смотрели друг на друга как на врагов, потому голова Цин Дина являлась делом особой важности, и Жун Тянь, всё ещё испытывая отвращение к Бо Лину и Фань Чжи, не мог проигнорировать такой весьма ценный подарок.

Будучи скрупулёзным, молодой мужчина понимал, что у Фэн Мина храбрости мало, поэтому мягко обратился к князю:

— Закрой глаза. — Склонившись, он открыл узорчатый короб, внутри которого находилась величественная голова Цин Дина: глаза были широко раскрыты, на лице застыл ужас, неизвестно, какого потрясающего мастера по сохранению тел пригласил Бо Лин, но лицо выглядело как живое.

Хоть Бо Лин с супругой и были отвратительны, однако ради него уничтожили императора вражеской страны, немного внося свою лепту.

Жун Тянь, посмотрев на вражескую голову, невозмутимо закрыл короб, и, взглянув на до боли знакомое лицо сидящей перед столиком женщины, которая много лет являлась подругой, молодой мужчина побледнел словно полотно; даже если был бессердечным, словно вылитый из железа, император Силэй всё равно невольно расстроился и кивнул:

— Хорошо, этот император обещает тебе, что ни в коем разе не станет препятствовать третьей принцессе. — И, подзвав стоящего за дверью охранника, приказал отправиться за Жун Ху: — Повремените с пытками, а к третьей принцессе отнесите с уважением.

Увидев, что напряжённая атмосфера немного разрядилась, Фэн Мин в душе слегка успокоился, но, вновь вспомнив про родителей Ань Хэ, невольно взволновался и, сдерживая слова, которые хотел сказать Жун Тяню, прошептал:

— Нам пора, позволь Мэй Цзи немного отдохнуть. — Князь опустил голову и уже хотел было потянуть Жун Тяня за рукав, но внезапно с изумлением сказал: — Что у тебя красное на руке? Краска или кровь в коробе ещё не высохла? — Взяв угол своего рукава, юноша решил помочь Жун Тяню вытереть пятно.

Ещё не коснувшись руки императора Силэй, князь, подвергшись внезапной огромной силе, чуть не рухнул на пол. С изумлением подняв голову, Фэн Мин увидел, что человек, толкнувший его, — Жун Тянь.

Молодой мужчина поднял ладонь и внимательно рассмотрел её.

Сейчас на совершенно равнодушном лице всё же промелькнула шелковинка страха.

Заметив его страх, князь со словами «что случилось?» сделал шаг вперёд.

Но Жун Тянь неожиданно отстранился и, подняв две ладони перед грудью, приглушённо проговорил:

— Не подходи!

Вмиг в комнате воцарилась ужасная мёртвая тишина.

— Жун Тянь? — попробовал слегка позвать Фэн Мин.

Но император Силэй не ответил, лишь глубоким взглядом одарил князя, почти пугая необычной чернотой зрачков.

Чувство большой беды закружилось над их головами.

Мэй Цзи, увидев, как Жун Тянь оттолкнул от себя Фэн Мина, поняла, что что-то не так, и с чувством глубокой любви к молодому мужчине первая красавица Поднебесной помимо своей воли спешно подошла к нему и, взглянув на красное пятно на ладони, не сдержала крика.

— А! — резко воскликнула и в то же время крепко зажала рот женщина, красивые глаза широко распахнулись, словно на пути повстречалось нечто страшное, что существовало в этом мире.

В это мгновение в тишине затаился огромный страх.

Глубокое чувство опасности, словно лапы чудовища, охватило сердце князя, почти не давая дышать; с трудом сдерживаясь, Фэн Мин ровным тоном спросил:

— Жун Тянь, что случилось? — Однако в голосе пряталось куда больше дрожи, чем до этого.

— Ничего особенного... — Молодой мужчина посмотрел на руку, словно на противника, которого нельзя недооценивать; спустя долгое время, дав волю своему гневу и успокоившись, приглушённо продолжил: — Кто-нибудь, позовите Жун Ху, и пусть приведёт с собой Бо Лина и третью принцессу.

Примечания:

[1] Досл. указательный палец дёргается (от желания вкусить яств); в знач. слюнки текут.

[2] Варят куриный бульон, в который потом добавляется морской конёк.

[3] Здесь имеется в виду именно ганодерма китайская, или проще плоский трутовик блестящий.

[4] В оригинале фраза звучит как «ни солёным, ни пресным», обр.: пресный, невыразительный; скучный, холодный, равнодушный.

[5] Также переводится как «Сколько лет, сколько зим», а досл. «Как ты с нашей последней встречи?»

[6] Обр. позволять другим распоряжаться своей судьбой, отдавать себя на растерзание.

[7] Букв. «разорвать труп на десять тысяч частей», т.е. разорвать на мелкие клочки, растерзать, убить на месте.

[8] В оригинале фраза звучит как «запрашиваемая цена высока, как небо, а предложенная так же низка, как земля» — о торге между покупателем и продавцом, в народе это выражение говорит о двух вещах: 1. о том, что быть мелочным отвратительно; 2. если в сердце много богатства, то волен делать всё, что пожелаешь, и ни в чём не нуждаешься.

[8] В оригинале фраза звучит как «открыть дверь и увидеть горы», обр.: перейти прямо к делу, с места в карьер.

[9] В оригинале слова звучат как «мягким ребром».

[10] В оригинале фраза звучит как «истощились горы и воды иссякли», обр. в знач. а) дойти до крайности; быть в крайней нужде, в безвыходном положении; б) исчерпать все средства; оказаться беспомощным.

[11] Обр. сильный поедает слабого, выживает сильнейший, право сильного, закон джунглей.

[12] Поприветствовать руками в Древнем Китае означает малый поклон: одна рука охватывает сложенную в кулак другую, после чего человек свободно кланяется, проделывая торжественную церемонию.

[13] Обр. в знач.: не бояться смерти; отважный, бесстрашный.

<http://bllate.org/book/13377/1190171>